

М. Полиевктов.

Оригинал здесь: [Русский биографический словарь](#).

Погодин (Михаил Петрович) - историк, археолог и журналист (1800 - 1875). Отец его был крепостной "домоправитель" графа Строганова. Обстановка барского двора, искательство отца у знатных и богатых не остались без влияния на характер Погодина: он отличался большой практичностью, совмещавшуюся в нем с немалой долей сентиментальности, с одной стороны, и критическим умом, с другой. На 11-м году он был отдан на воспитание к типографщику А. Г. Решетникову, но скоро поступил в 1-ю московскую гимназию. Сентиментально-патриотическое настроение его находило поддержку в увлечении тогдашним театром, где царили трагедии Озерова, а также в знакомстве с "Историей Государства Российского" Карамзина, которую он приобрел на последние свои деньги. В Московском университете, куда Погодин поступил в 1818 г., он попал под влияние профессора теории поэзии Мерзлякова, запоздалого поклонника Ломоносова, Сумарокова и Державина. Летнее пребывание на учительской кондичии у князя Трубецкого было для Погодина некоторым противовесом этого влияния: здесь он познакомился с сочинениями Руссо, г-жи Сталь (о Германии) и Шатобриана. В университете начались складываться и ученые вкусы Погодина; он заинтересовался первоначальной русской деятельностью, вопросом о происхождении князей, а также вопросами общеславянской истории (перевел сочинения Добровского "О Кирилле и Мифодии"). Почти во всех своих взглядах он находил противника в лице тогдашнего профессора русской истории Каченовского, с которым вел сильную полемику и впоследствии, будучи уже его сотоварищем по профессуре. Окончив курс в 1823 г., Погодин через год защитил магистерскую диссертацию "О происхождении Руси", где явился защитником норманнской школы и беспощадным критиком теории хазарского происхождения русских князей, за которую стоял Каченовский. Диссертация эта была приветствована Карамзиным, с одной стороны, и специалистами-историками Шлецером и академиком Кругом - с другой. В своей диссертации Погодин обнаружил недюжинные критические способности. Планы его относительно будущности в это время еще не определились: он мечтает то о журнальной, то о педагогической деятельности, то об административной карьере. Его ходатайство о заграничном путешествии уважено не было. В комитете министров было решено, что "нет пользы посылать сего магистра в чужие края для окончания курса наук по нынешним обстоятельствам, а удобнее в университете дать то образование, которое правительству удобно будет". С 1826 г. Погодину было поручено читать всеобщую историю для студентов первого курса. Профессорская деятельность Погодина продолжалась до 1844 г. В 1835 г. он был переведен на кафедру русской истории, в 1841 г. избран в члены второго отделения Академии Наук (по русскому языку и словесности); был также секретарем "Общества Истории и Древностей Российских" и заведовал изданием "Русского исторического Сборника", где поместил важную статью "О местничестве". К концу профессорской деятельности Погодина относится начало издания им "Исследований, лекций и замечаний", на которых и зиждется, главным образом, значение Погодина как историка; здесь он всего больше обнаружил свой критический талант и меньше всего отрицательную сторону своего ума - чрезмерное пристрастие к фантастическим построениям. "Исследования" (7 томов), доведенные до татарского периода русской истории, и теперь служат одним из необходимых пособий для занимающихся специально древней историей. В это же время Погодин начал собирание своего "Древнехранилища", заключавшего в себе массу памятников, как письменных, так и вещественных, русской старины. Рукописная часть этого собрания, купленного позже Николаем I, хранится в настоящее время в Петербурге в Императорской Публичной Библиотеке и представляет много интереса для специалистов-историков. Погодин несколько раз бывал за границей; из его заграничных путешествий наибольшее значение имеет первое (1835), когда он завел в Праге близкие сношения с видными представителями науки среди славянских народностей: Шафариком, Ганкой и Палацким. Это путешествие несомненно способствовало сближению русского ученого мира со славянским. С 1844 г. специально-ученая деятельность Погодина замирает и возрастает только к концу его жизни. К 1860 г. относится его публичный диспут с Костомаровым по вопросу о происхождении русских князей. Прав в этом диспуте был скорее Погодин, что не было замечено публикой, интересовавшейся противниками как представителями известных общественных партий, а не как учеными-исследователями. В конце жизни Погодин вел полемику по тому же вопросу с Д.И. Иловайским. В 1872 г. им была издана "Древняя русская история до монгольского ига", не прибавившая ничего к его славе. На ученых трудах Погодина не отразилось то философское настроение, которое охватило Московский университет в 30-х и 40-х годах: сильный как специалист-исследователь, Погодин был слаб как мыслитель. Совмещая увлечение Шеллингом с патриархальной московской закваской, Погодин в своих взглядах держался так называемой теории официальной народности и примыкал, вместе с профессором Шевыревым, к партии, защищавшей эту теорию аргументами немецкой философии.